

В истории Польши много взлётов и падений. На её долю выпало столько захватов и интервенций, что она вполне могла оказаться стёртой с лица земли. Однажды это почти случилось. В 1795 году, в результате разделов земель, происходивших на протяжении всей второй половины XVIII века, Польское государство перестало существовать на сто с лишним лет. Всё это время территориями некогда великой Речи Посполитой правили иностранные державы. Однако, несмотря ни на что, Польша сумела вернуться на политическую карту Европы.

Отношения между Россией и Польшей никогда не отличались особенным теплом. Скорее, это были вежливо-холодные варианты перемирия: поляки не могли забыть старых обид, нанесённых Россией за многие века соседства, русские не забывали, что поляки на них обижены. Во время Отечественной войны 1812 года, когда русские солдаты гнали поверженную Наполеоновскую армию от своих границ, последняя победоносная битва произошла на польской земле, которой не посчастливилось стать буферной зоной между политически сильными противниками. Почти весь XIX век в Польше квартировались русские полки, призванные подавлять периодически вспыхивающие бунты и умирять местных террористов (польские мятежники предпочитали называть себя конфедератами).

Весьма наглядное отношение к русскому вмешательству демонстрирует история краткого, но весьма яркого существования в центре Варшавы православного собора Александра Невского. Его строительство велось с 1894 по 1912 годы. Это был довольно духоподъемный процесс, на который не жалели сил и средств. Грандиозный архитектурный проект создал Л. Н. Бенуа, фрески на внутренних стенах расписал сам В. М. Васнецов. Но о красоте алтаря, украшенного рубинами и яшмой, теперь можно только фантазировать – собор снесли в 1924 году, когда Польша стала независимым государством (к слову сказать, этот статус она обрела только благодаря СССР). Польское правительство официально объяснило это тем, что собор слишком высок и загроживает другие достопримечательности. Но основной причиной было нежелание поляков иметь перед глазами вечное напоминание о русском господстве.

В 20-е годы прошлого столетия геополитические страсти между Польшей и Россией снова разгорелись не на шутку, дойдя до локальной кровопролитной войны. За её ходом с тревогой наблюдала вся Европа, но особенно эта война беспокоила русских беженцев, осевших в Варшаве и окрестностях. Не все из эмигрантов, решивших жить в Польше, были на этих землях чужаками. Многие, скорее, не бежали, а возвращались на прежние места жительства, покинутые когда-то в пылу любви к родине.

Тем не менее, белых эмигрантов Польское правительство откровенно опасалось. Прежде всего, из-за политических взглядов. Основная часть беженцев ненавидела большевиков, мечтала о возрождении великой империи. Они были практически уверены, что рано или поздно новый советский строй потерпит крах.

После бесславного завершения советско-польской войны Россия и Польша заключили в Риге соглашение, по которому большевики уступали полякам часть своих земель. Беженцев, для которых было важно сохранить территориальную целостность империи, возмутил Рижский договор. А Польша, опасаясь нарушить баланс хрупкого перемирия, продолжила с Советским Союзом натянутый диалог, игнорируя возмущение местных русских.

Для нестабильной картины этих отношений присутствие в Польше белых эмигрантов было невыгодным. Но и отказать им в приюте было нельзя, так как вся остальная Европа принимала русских довольно активно. Поэтому беженцы, осевшие в Варшаве и окрестностях, оказалась между молотом – Советским Союзом, которого они не признавали, и наковальней, – польским правительством, которое с настороженностью относилось к русским эмигрантам, в большинстве своём имеющим радикальные политические позиции и не скрывающим своих убеждений. В итоге, часть эмигрантов переехала в более лояльные к ним страны – Чехию, Францию, Германию. Оставшиеся зачастую подвергались нападкам, им многое запрещали. Например, польское правительство ограничивало их поездки в восточные воеводства. Закрывало русские школы. Нередко русские подвергались преследованию местных спецслужб.

Литература эмигрантов в довоенной Польше по сей день изучена мало. И это неудивительно, потому что собрать полные сведения о деятельности тех или иных литературных групп и лиц пока ещё довольно сложно. Но, тем не менее, отдельные исследования, зафиксировавшие самые яркие имена на русском поэтическом небосклоне Варшавы 20-х годов, уже существуют. Русская поэзия в Польше, помимо авторов старшего, уже зарекомендовавшего себя, поколения, таких как Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Михаил Арцыбашев, Дмитрий Философов, создавалась молодежью,

которая не успела проявить себя на Родине. Среди молодого поколения практически не было сложившихся творцов. Их творческая индивидуальность оформилась вне стихии родного языка. Стремясь не потеряться вдали от Родины, не растратить свой творческий потенциал, поэты объединяются в творческие группы, создают литературные кружки, выпускают совместные поэтические сборники.

В 1921-1925 годах в Варшаве существовало литературное объединение «Таверна поэтов», а с 1929 по 1935 годы — группа «Литературное содружество». Это были самые известные литературные собрания среди русской эмигрантской молодежи, представленные поэтами различного толка, разных направлений и эстетических позиций. Туда входили Всеволод Байкин, Владимир Бранд, Александр Топольский, Александр Туринцев, Сергей Жарин, Олег Колодий, Олег Войнов, Екатерина Аристова, Михаил Константинович и другие. Руководителем и идейным вдохновителем «Таверны поэтов» становится Альфред Бем, известный впоследствии как основатель пражского литературного объединения «Скит». Человек он был уникальный. Историк литературы, критик, достоинств, автор множества статей, исследований и книг, Альфред Бем родился в Киеве, в семье немецких католиков. Учился в Киевском реальном училище святой Екатерины, на историко-филологическом факультете Киевского университета, а затем и на филологическом отделении филфака Петербургского университета. В годы учебы он был частым участником студенческих волнений, за что его периодически то исключали, то сажали в тюрьму. В Петербурге он работал в Рукописном отделе библиотеки Императорской Академии наук, а также в библиотеке Петербургской духовной академии. Был редактором и участвовал в написании пяти томов библиографической серии «Обзорные труды по славяноведению». В 1919-1920 бежал за рубеж. Первой остановкой на его пути стал Белград, а затем, с 1920 по 1922 год, Варшава. Основной его деятельностью в Польше стала политическая борьба с большевизмом. Вел он её на страницах эмигрантской газеты «Свобода» (с ноября 1921 г. стала называться «За свободу!»). Существует мнение, что своей настоящей фамилией Бем подписывал статьи на литературные и культурные темы, а для публикаций политического характера пользовался псевдонимом А. Омелянов (по фамилии жены А. И. Омеляненко).

Как многих в те времена, жизнь его не пощадила. Уехав из Варшавы в Прагу, он прожил в ней много лет, прежде чем был арестован советскими спецслужбами в 1945 году. Дальнейшая его судьба достоверно не известна. Википедия пишет: «Его дочь Татьяна вспоминала: «Я была в нашей бубенеческой квартире, когда позвонили двое чехов и попросили пройти с ними за угол, перевести что-то, так как они не могут договориться. Папа ушёл в белом полотняном

костюме, даже без шляпы, только со своим помощником, тростью, без которой не умел ходить. Я следила с балкона за его маленькой, искривлённой детским параличом фигуркой, как она скрылась за углом. Бедный, бедный папа, где, в каких местах, в какой трущобе погиб он?...»¹. По одной версии Альфред Бем покончил с собой, по другой – был расстрелян во дворе пражской тюрьмы, по третьей – умер в дороге к лагерю.

За три с небольшим года существования «Таверны поэтов», в местной периодической печати вышло около двух сотен стихотворений и поэм, созданных её участниками. Публиковались они и в газете «За свободу!», одним из сотрудников которой был видный деятель эмигрантских кругов Дмитрий Философов. Именно в редакции этой газеты проходили собрания «Таверны». В литературных встречах участвовали и польские поэты, например Леонард Подгорский-Околув.

Дмитрий Философов был до революции известным литературным деятелем, критиком, редактором журнала «Мир искусства». Также, он принимал активное участие в работе религиозно-философского кружка, созданного Дмитрием Мережковским. 24 декабря 1919 он, Мережковский, Гиппиус, поэт Владимир Злобин – покинули Россию, и уже 1 января 1920-го нелегально перешли польско-советскую границу, оказавшись в Белоруссии. Откуда в скором времени выехали в Варшаву.

Имя Мережковского известно польским читателям. Его книги переводились на польский язык, пьесы шли в польских театрах. О Мережковском много писали в польской печати, пророчили ему Нобелевскую премию по литературе. Он и Зинаида Гиппиус были практически единственными, кого польская литературная общественность встретила с большим энтузиазмом, в силу их популярности среди читающей публики. Игорь Белов, современный поэт и исследователь польской литературы, пишет в своей статье на портале «Culture.pl»: «<...> уже на первую лекцию Мережковского, прочитанную им в минском городском театре, явилось столько народу, что супруги еле смогли пробиться сквозь толпу, запрудившую фойе, и, по воспоминаниям Гиппиус, чуть было не повернули назад. В Варшаве выступления Мережковского тоже пользовались огромным успехом: польский писатель и художник Юзеф Чапский, давний друг литературной четы, организовал для них серию лекций и выступлений, на которые собиралась вся интеллектуальная элита польской столицы». Там же Игорь Белов дополняет: «не стоит, впрочем, думать, что Мережковские приехали в Польшу, чтобы поживать на литературных лаврах. Кароль Вендзягольский вспоминал: «Мережковский прибыл в Польшу после долгих мытарств в Петрограде, как правоверный

¹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бем,_Альфред_Людвигович

паломник в Мекку, преисполненный горячей веры, что долгом Польши и её мистическим предопределением, как братской славянской страны, является избавление России от власти большевиков»¹.

Ни Мережковский, ни Гиппиус не рассматривали Польшу, как место, где им хотелось бы осесть. Скорее, как подавляющее большинство образованных и активных людей, они видели в ней «транзитный этап» на пути в Париж. К тому же они были крайне разочарованы тем, что поляки заключили с большевиками мирный договор. Дмитрий Философов, в отличие от них, остался в Варшаве, сблизившись на почве борьбы с большевизмом с Б.В. Савенковым, писателем и известным русским революционером.

В те времена большой процент польского населения говорил по-русски и прекрасно понимал то, что публикуют в русскоязычных газетах. Однако, к молодым русским поэтам официальная Польша была глуха. Расшатанность и растёрзанность польских денежных банкнот, дикая инфляция, занебесная дороговизна бумаги и типографских услуг не позволяли авторам издаваться отдельными книгами. Поэтому в 1923 году литературное объединение выпустило сборник под названием «Шестеро. Малый альманах поэзии и прозы». В него вошли стихи Всеволода Байкина, Владимира Бранда, Олега Воинова, Ростислава Гутуева, Бориса Евреинова и Александра Топольского. Стихи троих авторов – Олега Воинова, Олега Колодия, Сергея Жарина были изданы во Львове в том же году.

Уже гораздо позже, в 1937 году, стихи участников «Таверны поэтов» были включены в «Антологию русской поэзии», изданную в Варшаве. Издателем антологии был Варшавский союз русских писателей и журналистов. Вдохновителем и инициатором проекта стал Лев Гомолицкий, русский и польский поэт, совмещавший литературную деятельность с профессией художника-графика. Идею антологии он вынашивал долго, полагая, что необходимо как можно полнее отразить русскую поэтическую жизнь в Польше за прошедшую четверть века. Открывается сборник стихами участников «Таверны поэтов». Современные исследователи полагают, что если бы не Гомолицкий, многие из поэтических имён не сохранились бы в литературе русского зарубежья.

«Антология русской поэзии» оказалась уникальна ещё и тем, что позволила выделить основные направления в поэтике молодых эмигрантов. Поэты питали особый интерес к русской литературе Серебряного века, ориентируясь на символистов и акмеистов. К символизму тяготели те, кто глубоко проживал свой трагический

¹ Игорь Белов, «Крест против пентаграммы. Русские эмигранты на советско-польской войне», 13 авг. 2020 г. URL: <https://culture.pl/ru/article/krest-protiv-pentagrammy-russkie-emigranty-na-sovetsko-polskoy-voynе>

жизненный опыт, для кого мир был полон потерянных иллюзий, насыщен прекрасными образами прошлого на фоне горестных переживаний о собственной жизни в настоящем. Чувство потери своих корней, неизбежности личного внутреннего и внешнего вселенского краха были богатым материалом для стихов. Думы об утраченной России становились частой темой в лирике участника «Таверны поэтов» Всеволода Байкина:

Судьбу мою, как верная подруга,
Со мной ты разделила пополам.
Занскрятся ли улицы столицы
Огнями электрических реклам,
Мне вывески чужим латинским шрифтом
Твердят, что ты особенно близка
В минуты меланхолии вечерней,
О родине прекрасная тоска.

Ярким представителем старшего поколения поэтов символистской направленности был Борис Евреинов. В одной из своих литературоведческих статей Альфред Бем заметил, что Борис Алексеевич Евреинов принадлежал к тем русским людям, которых Бог не обделил талантами. Он был необычайно многообразен в проявлениях своей духовной жизни. Но в этом многообразии было своё единство, своя цельность. В своих стихах поэт называл себя «неупокоенным лунатиком», чьи шаги были «стремительны и гулки»: «И насмехается судьба / Над странностью моей прогулки». Мы же добавим, что есть в них та же неизбывная тоска, красной нитью проходящая сквозь стихи поэтов-эмигрантов:

Смотрю я в даль, в печальную пустыню
Моих больных и оскорбленных дней.
Я как паук сплетаю паутину
И словно вор – я не люблю огней.
Крадусь во тьме, то ощупью, то бегом,
И посох свой я потерял давно.
Судьба мой путь устлала белым снегом,
Дала мне пить жестокое вино.

Нельзя не упомянуть ещё одного яркого участника «Таверны», Владимира Бранда, поэта, которого была близка к акмеизму, в частности – к творчеству Николая Гумилева. Вдохновенный, харизматичный, поэт и воин, он был одним из самых талантливых представителей Варшавской литературной среды. И одним из немногих, кому повезло держать в руках свою собственную поэтическую книгу. В 1932 году, после распада «Таверны поэтов» и образования нового

литобъединения «Литературное содружество», вышел небольшой 23-страничный сборник Бранда, под названием «Стихи», изданный на дешёвой бумаге.

Ночью мосты расцветали
Голубыми цветами
И в глубинах реки вырастали
Леса с огневыми стволами.
Ночью над миром бетона и стали
Пролетали виденья,
Как бесшумная белая стая,
Как серебряный иней,
И смеялась звезда золотая
В небе далеком и синем.

«Литературное содружество» просуществовало в Варшаве шесть лет. В его состав входили Лев Гомолицкий, Соломон Барт, Александр Хирьяков, Георгий Соргонин, Сергей Войцеховский, Всеволод Байкин, Петр Прозоров, Евгения Вебер, Владимир Бранд и многие другие.

Особенностью этой литературной группы было то, что её представители не «варились в собственном соку», а взаимодействовали с творческой польской молодежью. Особенно активно они сотрудничали с литературным объединением «Скамандр» и яркими его представителями Юлианом Тувимом, Антонием Слонимским, Ярославом Ивашкевичем. Результатом этой дружбы становились взаимные переводы. Например, Георгий Соргонин, считающий Польшу своей второй родиной, переводил таких польских поэтов, как Адам Асник, Владислав Броневский, Константы Ильдефонс Галчинский. Гораздо позже, в 1959 году, он собрал и издал книгу «Стихи о Польше».

Большим другом русских поэтов был выдающийся польский поэт и гениальный переводчик Юлиан Тувим. Он очень любил русскую поэзию, Пушкина, перевёл, при тесном взаимодействии с Львом Гомолицким, поэму «Медный всадник», которую прочёл на одном из собраний «Литературного содружества». «Случилось это 31 января 1932 года в зале варшавского Антропософского общества. Прочитанный Тувимом перевод вызвал среди русских слушателей фурор, а Дмитрий Философов до того растрогался, что немедленно – и совершенно заслуженно – объявил перевод Тувима конгениальным и наконец-то разрешившим тот самый трагический «старинный спор славян между собою»¹.

Но как бы ни находились русские поэты в фокусе интересов

¹ Игорь Белов, «Рыцари пламенной секиры. Русские изгнанники в варшавской «Таверне поэтов», 15 окт. 2020 г. URL: <https://culture.pl/ru/article/rycari-plamennoy-sekiry-russkie-izgnanniki-v-varshavskoy-taverne-poetov>

поэтических друзей-варшавян, время и эпоха взяли своё. Весной 1935 года группа «Литературное содружество» прекратила существование. Решение о закрытии назревало давно. Участников стала неудовлетворять её деятельность и стиль собраний, ставший слишком официальным. Это имело логическое обоснование: начавшись как дружеский тесный кружок давно знакомых между собой людей, литературная группа выросла в целое сообщество с обширной программой докладов и публичных выступлений.

Конечно, это были не единственные литературные объединения в Польше. В 1920-1930-е годы в польско-литовском Вильно существовали «Литературно-художественная секция» и «Содружество поэтов» в рамках Виленского русского общества. Членами секции были писатели, поэты, театральные деятели, литературные критики, преподаватели русских гимназий. В собраниях секции принимали участие Д. Бохан, В. Селиванов, К. Оленин, и другие. Польский ученый М. Здзеховский и известный польский поэт Т. Буйницкий также посещали эти встречи, проявляя искренний интерес к творческой среде русских эмигрантов.

Много было маленьких групп и отдельных, рассеянных по польской земле авторов, не вращавшихся в литературных кругах. Но, как уже упоминалось выше, не все поэтические имена того времени сохранились в истории. Краткие сведения о некоторых поэтах можно найти в «Словаре поэтов русского зарубежья»¹, под редакцией В. Крейда. Однако, благодаря открывшимся в последние десятилетия возможностям изучения архивных материалов о жизни русских за рубежом, знакомству с различными изданиями эмигрантской прессы, русская литература всё же постепенно возвращается на Родину, переставая быть расчленённой, становясь единым целым. Процесс этот долгий – многие факты ждут своих исследователей и, возможно, мы ещё услышим о тех, кого эпоха предала забвению.

Сами же творцы мало об этом думали. Поэт-эмигрант Константин Оленин в 1925 году написал, что главное для поэта не слава, а умение «любить язык, за то, что он велик, / Любить и верить, верить снова...». А по поводу политических противостояний грех не обратиться к двум друзьям, Пушкину и Мицкевичу, великим поэтам, чей полемический диалог в свое время свёлся к мнению, что политические разногласия могут быть скованными одной цепью, но искусство, поэзия, – выше всего этого и в этих вершинах – мы все братья.

¹ «Словарь поэтов русского зарубежья», 1999, СПб, изд. Русского Христианского гуманитарного института. URL: <https://www.livelib.ru/book/1001239954-slovar-poetov-russkogo-zarubezhya-sbornik-vadim-krejda>